

Аннин Александр

Как уйти в монахи

и что из этого может получиться...

Очерки современного монастырского быта

«Жизнь подвела под монастырь» — такие сетования, да с протяжным вздохом, то и дело можно услышать от самых разных людей: разорившихся и вполне, на первый взгляд, преуспевающих; пожилых и довольно-таки молодых.

А что если, действительно, взять да и уйти от всех мирских забот и хлопот (пустых хлопот и бессмысленных забот, заметьте!), поселиться в прямом смысле — как за каменной стеной, «как у Христа за пазухой»? Не мучить себя помыслами о хлебе насущном (есть, что дают на трапезе, вот и всех делов-то!), не переживать за близких людей (монах — от корня «моно», то есть — полнейший одиночка), не «париться» о здравии телесном — ибо в монастыре, в отличие от «мира», на полном серьезе считается, что «если тело здорово, то дух немощен» — и, соответственно, наоборот.

И уж коли вам в голову вдруг закралась эта нетривиальная идея — бросить всё, отпустить себе

бороду и (уже не по Есенину) уйти в монахи, то советуем познакомиться с предлагаемыми очерками нынешнего монастырского быта. Скажем сразу и безо всяких обиняков: все, о чем здесь говорится — истинная правда. От начала до конца. Автор, испытавший на себе, что такое быть монастырским насельником, был свидетелем или участником всех тех событий, о которых повествуется в этой книжке.

Возможно, она-то и поможет вам принять правильное решение: подходит ли именно вам монастырский уклад жизни?

Трудные праздники на острове забвения

Подошли холода.

Озирая безлюдную пристань, возле которой еще недавно причаливал белый теплоход «Капитан Хоробрых», братия Нило-Столобенского монастыря тихо перекрестится, а кое-кто и благодарственную молитву прошепчет. Все, кончились напасти... И в который раз осознает инок всю глубину церковного именованья строгих монастырей — «пустынь».

С осени и вплоть до поздней весны монахи будут избавлены от грохота шлягеров, несущихся над водной гладью в туристический сезон; не

встретят черноризцы разнополых компаний, бесцельно бродящих по заповедному острову. Лишь стук топора, звон колоколов да чинные песнопения будут разноситься над безмолвным озером. А пока — с мая по сентябрь — в пределах суровой пустыни обильно водится турист: организованный и дикий, бородатый и полуголый.

Конечно, насельники обители понимают: летний наплыв приезжих — большое подспорье в хозяйственной деятельности монастыря. Проще говоря — приток средств существования для немногочисленной братии. Опять же — пожертвования, покупки сувенирной и религиозной продукции — книг, брошюр, икон... Преподобный Нил Столобенский — единственный святой Православной Церкви, для которого за все века ее существования сделано исключение: его, святого отца Нила, дозволено изображать в виде скульптур, что категорически не приветствуется в отношении всех остальных канонизированных «персонажей» РПЦ, включая библейских и святоотеческих. Строг закон. Так что лишь в одном-единственном месте, на острове Столобном, можно приобрести резную, лепную или даже бронзовую фигурку преподобного Нила Столобенского. И все эти маленькие шедевры сделаны в мастерской обители, местными монахами-умельцами. Пишут здесь и святые иконы с ликом преподобного...

Да ведь и турист туристу рознь, что там ни говори. Тысячи верующих приезжают сюда как паломники: помолиться, очиститься от скверны, чтобы потом с обновленной душой вернуться к мирской жизни. А многие прибывают на Столобной остров с надеждой на исцеление от недугов возле раки со святыми мощами преподобного Нила. Порой Божие чудо происходит мгновенно, прямо в соборе, чему автор этих строк был свидетелем — как-никак, почти полгода работал на восстановлении обители, да и потом многожды приезжал сюда — то как гость, то как журналист, то как трудник.

Вот уже более четырехсот лет стекается сюда православный люд на поклонение святым мощам основателя обители, преподобного Нила Столобенского. Монастырь возник на месте его погребения в 1594 году, при благочестивом царе Феодоре Иоанновиче.

До октябрьского переворота святая обитель на Селигере-озере, что в Тверской губернии, по числу паломников прочно занимала второе место в православном мире — после Гроба Господня, конечно. Подумать только: по двести с лишним тысяч человек со всех уголков Отечества стекались сюда ежегодно! Жаловали монастырь и государи российские, и вельможи. Обильными дарами украшали они обитель. Где сейчас все эти

сокровища, шедевры иконописного и ювелирного искусства? Говорят, в начале 20-х надежно спрятали монахи драгоценную утварь от безбожной власти, прямо где-то здесь и схоронили... Да только свидетелей тому не осталось: прибыл взвод красноармейцев, построили черноризцев вдоль собора да расстреляли.

ОТ СУМЫ ИЛИ ТЮРЬМЫ?

Бытует мнение, что в монастырь уходят от житейских невзгод, от сумы да из тюрьмы — когда больше податься некуда. Даже поговорка есть: «Подвели меня под монастырь». Но за двадцать с лишним лет, что минули со времени моего первого посещения Ниловой пустыни, встречал я здесь черноризцев, которые были весьма успешными в мирской жизни. Бывший директор магазина, майор-ракетчик из Подлипок, режиссер шоу-программ, столичный врач — кандидат наук...

По сей день служит в обители бывший ресторанный певец, а рядом в черной камилавке — другой длиннородый монах, который когда-то в Гаграх исполнял на саксофоне свои виртуозные импровизации.

Неисповедимыми путями приводит Господь человека к покаянию и переосмыслению своей жизни. В стенах обители собралась братия со всех

концов страны. За 25 лет, с тех пор как возродился монастырь, сюда приходили сотни людей, и большинство — с искренним намерением остаться здесь навсегда, как когда-то — преподобный Нил. Но далеко не все, в конце концов, твердо встали на монашеский путь. И причин тому много.

Вовсе не достаточно одного лишь желания стать иноком. Тех, кто пришел сюда случайно, повинуясь внезапному порыву, часто ждет разочарование. Оказывается, для того чтобы называться монахом, мало покинуть родных и близких, коллег и друзей, свое мирское поприще. Отказаться от житейских радостей и укоренившихся привычек — это еще не победа. И даже, по большому счету, еще не начало борьбы за спасение души.

Настоящая борьба начинается уже в стенах обители. Отсечение своей воли, послушание монастырскому начальству и старшей братии — вот какое испытание ожидает того, кто встал на крестный путь иночества. Ему предстоит научиться уважать и понимать немощи своих ближних, относиться к ним с терпением и добросердечностью. И в то же время смиренно переносить невзгоды, тяготы трудов и молитв, а зачастую — незаслуженные обиды и скорби, за все благодаря Бога. Это и есть каждодневная жизнь черноризца.

Заботы о хлебе насущном в суровых условиях полуобжитого монастыря, уход за скотиной, заготовка дров на зиму, сенокос, работы на огороде, физическое восстановление обители — вот они, дневные труды «малого стада», небольшой братии. Да еще по утрам и вечерам — долгие богослужения и молитвы, порой они составляют восемь-девять часов в сутки. Ясно, что не каждому такое под силу.

Наверное, поэтому в Ниловой пустыни по сей день не так много чернецов, облаченных в иноческий сан. Святой Божий угодник Нил Столобенский строго выбирает себе в монастырскую семью только тех, кто может непреклонно, долгие годы нести крест подвижничества.

Особенно уважают новичка, если появился он здесь в непогоду и холода — значит, и впрямь «брат». Не отдыхать приехал. Еще один трудник, слава Богу...

Хорошо бы с собой рабочую одежду взять, валенки. Нету — подберешь на складе по размеру. Чего ни в коем случае нельзя брать с собой на Столобной? Курево — это раз, почуют запах — выгонят. Во-вторых, мясные продукты в любом виде. А пить что-либо хмельное на острове запрещено с начала XVI века, когда здесь поселился в убогой пещере преподобный Нил, Столобенский чудотворец.

БРАТСТВО СТРОГОГО РЕЖИМА

Итак...

Оголился лес, улетели с тоскливым курлыканьем журавли (как нарочно, выбирают они путь по-над Ниловой пустынью, навевают уныние и скорбь по родному дому в сердцах некоторых насельников, порой даже — имеющих долгий опыт суровой, постнической жизни).

А к Покрову уж и морозы в этих краях заворачивают — вдоль берега намерзает ледяная каемочка...

После вечерней трапезы, как правило — в начале девятого, в натопленной трапезной гаснет электричество и при свечах да лампадах, стоя вдоль дощатых столов, братия совершает молитвенное правило «На сон грядущим». До сна еще, впрочем, некоторым далеко: свет в кельях дозволено «держат» до 11 часов вечера. Но — никак не позже. В случае крайней надобности зажигают свечу.

Не делается исключения и в новогоднюю ночь: во-первых, здесь живут по старому, юлианскому календарю, так что ни 31 декабря, ни 1 января — по общепринятому стилю — «новолетие» в монастыре не возглашается. А, во-вторых, светских праздников для тех, кто оказался на

острове Столобной, больше не существует. Как не существует собственных фамилий, а для некоторых — даже и имен, данных родителями. Онисим, Нектарий, Нил, Герман, Митрофан, Варфоломей — такие «старозаветные» имена получают здесь при пострижении в монахи.

Обычно пострижения ждут не один год и даже не пять...

Праздники в строгой обители, конечно же, есть. Все они обозначены красным цветом (или жирным шрифтом) в церковном календаре. Помимо Пасхи, «двунадесятых» и великих православных праздников здесь особо чтут дни памяти преподобного Нила Столобенского, Иоанна Предтечи, Николая Чудотворца и ряда других великих и местночтимых (тверских) святых. Так что, в общем, вместе с воскресеньями праздничных дней набегают немало.

В эти дни островитяне Ниловой пустыни отсыпаются: служба в Богоявленском соборе начинается только в восемь утра. Все послушания (проще говоря — работы) отменяются, кроме тех, что жизненно необходимы (на трапезной, к примеру, или — в охране). На самой же трапезе обычно появляется что-нибудь вкусненькое: печеная рыба, мед, конфеты.

На масленицу, как и повсюду на Руси, в изобилии пекутся блины, на Пасху — разновеликие

куличи.

В холода здесь, на обезлюдившем после «массового туриста» острове, не услышишь не то что смех или песню, а даже и просто громкого разговора. Все совершается чинно, основательно, не торопясь. Ни разу не видал я бегущего черноризца, каким бы срочным не было дело. Насельники своей нарочитой степенностью как бы охраняют мир душевный, боясь расплескать, словно постоянно носят его в некоем невидимом, хрупком сосуде...

Что же является главным условием для обретения этого возделенного мира душевного? Порой насельники ждут его прихода не месяцами, а годами. И наступает он только тогда, когда человек наконец-то полностью отрешается от своих былых забот, оставленных далеко-далеко, где-то там, за горизонтом... В миру. А они еще долго гнетут его, не отпускают — ни в храме, ни в монастырской келье, ни в трудах, ни в молитвах... Когда же наконец перестанет черноризец вспоминать о своих светских амбициях, карьерных перспективах и, увы, несостоявшейся семейной жизни? Когда утихнет память сердца и рассудка? У каждого — по-разному.

Но я на своем собственном примере убедился: если уж где и возможно достичь покоя душевного, так это в монастыре. Лучше — в отдаленном, северном, островном. И не слишком уж известном и

богатом. Это, я думаю, всякому понятно.

А самое большое подспорье в обретении мира душевного — благодатная жизнь монастырская: абсолютное, полное отсутствие забот и хлопот. Что подали в трапезной — то и вкушай, братец, да Бога не забывай благодарить. Не надо здесь заботиться ни об одежде, ни о счетах — люди в монастыре быстро забывают о том, что такое деньги и какова их цена (курс, покупательная способность). Вот что означает известное выражение — жить, как у Христа за пазухой. По принципу необходимости и достаточности. Никаких излишеств, зато все, что нужно, тебе предоставлено без забот и хлопот с твоей стороны. И все, что здесь происходит — совершается точно в свой срок, и всякому делу положен свой предел...

И что же, брат во Христе?... А то, брат. Выполний по мере сил послушание, молись (да не замаливайся!), и вся твоя прошлая жизнь скоро, поверь, предстанет перед тобой в истинном свете. И спокойно, без истерики, поймешь ты многое из того, что было непонятно раньше. А именно: почему, за что и по какому такому промыслу твоя судьба сложилась именно так, а не иначе?

Вот тот главный вопрос — вернее, первый в очередности из главных, — ответ на который получают в этих стенах новоприбывшие. А всех остальных тайн и открытий — что о мироздании,

что о собственной душе или прежних взаимоотношениях с другими людьми (кто был прав, а кто — неправ) — я, извините, выдавать не буду... Все равно не поверите, пока не проживете полноценной монастырской жизнью. Сколько? Каждому — свой срок положен, свой предел.

Ну, а теперь — довольно философии. Давайте, как говорится, ближе к делу. К зримым и осязаемым картинкам монастырского житья-бытья.

Вот как проходит обычный, «рядовой» зимний день в Ниловой пустыни.

05.00. Гулкий удар соборного колокола пробуждает заспавшегося насельника (а кое-кто уж на ногах или на коленях — исполняет свое, сугубое молитвенное правило). Вскакиваем с солдатских железных коек, попутно стряхивая иней с солдатских одеял — за ночь выстудилась натопленная с вечера келья, остыла наша печка-голландка. Беленый сводчатый потолок (середина семнадцатого века, так и веет от него древностью дониконовской, допетровской Руси), на своде в мерцании лампад колышутся наши тени. Три поясных поклона в сторону узкого, стрельчатого окна, за которым в ночи проступают очертания Богоявленского собора.

05.01. Второй удар колокола — такой же протяжный, густой — и я в промозглом «предбаннике», увешанном нашими солдатскими

бушлатами (долго будут поминать здесь добрым словом командира распущенной при Ельцине войсковой части — все, что мог и что не мог, передал этот настоящий русский полковник Ниловой пустыни и ее жителям, храни его Господи, коли жив еще). Ударом кулака пробиваю корку льда в допотопном умывальнике — иначе, сколько ни долби по носику мойдодыра, струя не потечет. Озерная, морозная вода обжигает лицо, руки, подмышки... Из-за стены доносится третий удар соборного колокола.

Вспоминаю звонаря: совсем юный розовощекий послушник в очках. Когда кто-то из монахов в шутку назвал его Гарри Поттером, обиделся, чуть не заплакал...

05.15. Не понимаю, не могу поверить: как этот чахлый островок выдерживает исполинскую громаду собора? Уж скоро два века... Свод необъятного храма теряется в полумраке, бездонное пространство колеблется в свете лампад, да еще — две-три свечи зажжены перед ракой преподобного, аналоем и поминальным подсвечником (кануном). Монахи и послушники в черных подрясниках, клобуках и скуфьях в тишине прикладываются к святым образам, старинному распятию. Самодельная сварная печка раскалена чуть не докрасна — топится бревнами. И все ж таки холодновато, жмемся к огнедышащему отверстию

— по-старинному, «хайлу». (Вот откуда грубоватое русское выражение — закрой хайло).

Начинается чтение полуночницы — самой ранней, первой части суточного богослужебного круга.

05.45. Братский молебен. Земные поклоны перед ракой с мощами преподобного основателя обители — святого Нила; перед чудотворной Селигерской иконой Божией Матери; ковчегом с мощами святого Нектария Столобенского...

06.15. Все до одного насельники монастыря — трудники, послушники, иноки, иеродиаконы, иеромонахи и отец-наместник — совершают ежедневный обряд прощения и покаяния. После того, как по старшинству приложатся к святыням, выстраиваются в ряд, и всякий очередной пустынножитель просит прощения у всех, начиная с наместника. В тишине слышен шепот: «Прости, отче (брате)» — «Бог простит, и я прощаю». Так, повторяю, каждый день. В чем же винятся-каются друг перед другом? Чего тут делить-то, в монастыре? Вроде и нечего.

Ан нет, есть, еще как — есть. Может, только масштабы иные, чем в миру, да сил душевных на раздоры монахи тратят значительно меньше.

Украдкой вижу: высокий монах сгибается в поклоне перед звонарем, просит прощения за Гарри Поттера...

Замечу в скобках: любое матерное слово, сорвавшееся с языка, угроза или, не дай Бог, рукоприкладство, наказываются незамедлительным изгнанием из монастыря. И неважно, что «вспыливший» по-житейски прав: все равно не прав. Это понять еще предстоит... Вот был у нас один «брат», словно нарочно явившийся в обитель для искушения насельников, отравления их мирного существования. Всех подряд силился вывести из себя. И порой добивался своего: один за другим были изгнаны из монастыря два замечательных трудника, светлых душой... «Искуситель» вынудил-таки их (по очереди) ударить его в лицо. Слава Богу, этого психически нездорового человека вскоре забрала домой его мать: не пошел ему монастырь на пользу, не помогла и общая братская молитва... Почему — одному Богу известно. Даже жалко человека.

Расставаться с уходящими братьями, особенно с теми, кто, казалось, способен стать хорошим монахом, всегда тяжело и тоскливо. «Уходит брат — убывает молитва», — еще одна здешняя поговорка.

08.00. Отошла обедня (обычно она продолжается немногим более полутора часов). Братия расходится из храма на послушание — ежедневные труды. Ни завтрака, ни чая в строгой обители не положено — пробавляемся глотком

святой водицы, иногда — кусочком просфоры. Кто-нибудь обязательно говорит вполголоса: «На еду еще заработать надо» или: «За обед мы, братья, еще не потрудились».

Доносится мычание коров из кирпичного, полуторавековой давности хлева. Опекают его два послушника и трудник, сеновал доверху завален пахучим сеном — два укуса сделали минувшим летом на монастырских полях.

Все при деле, никто не болтается просто так. Я привычно иду к своим «козлам», благо с детства приучен пилить-колоть дрова, просто хлебом не корми, только дай в руки топор... Приходится мне скрывать свое пристрастие к такому труду, хоть это и не совсем честно — скрывать что-либо. А как мне быть иначе? Ведь я не собираюсь тут навеки оставаться, приехал ненадолго потрудиться во славу Божию... Так хоть душу потешу, вспомню деревенское детство. Но уж коли узнает про то иеромонах Нил, раздающий после вечерней трапезы послушание, так, пожалуй, лишит меня излюбленной работы, переведет полы в церкви мыть или картошку на трапезной чистить... Здесь, видите ли, предпочитают давать новичку ту работу, к которой он не привычен. Может, для того, чтоб поскорее отошли от него мирские привязанности, в том числе — трудовые? Как знать, как знать...

Кто-то в мастерских, где режут иконостасы,

выстругивают нехитрую мебель, двери, окна. Восстановление обители из руин продолжается по сей день, и конца-краю ему не видно. Кто-то шьет и чинит подрясники, рясы. Бригада рыбаков хитроумно протягивает сети подо льдом на Селигере-озере — зимой улов хороший, почему-то всегда лучше, чем летом: крупный судак, голавль, щука. А не то, слышал я — и угорек попадается... Ночью сети сторожат по двое — зачем вводить в соблазн местных? Снимут сети и пропьют, не посмотрят, что у монахов воруют. Для местных пьяниц монах — давно уж не диво и не авторитет. Да для них никто не авторитет.

Я обратил внимание: здесь не принято «пластаться до упаду», выказывать трудовую доблесть и рвение в работе. Ибо не это главное в жизни насельника. Здесь делают свое делание «не торопясь да Богу помолясь». Поэтому в обители и не принято говорить слово «работа». Послушание — вот так оно будет правильно. Послушание перед Богом, преподобным Нилом, начальниками монастырскими, духовным отцом. Если ты честно, в меру сил, исполняешь послушание, то, согласно учению святых отцов, оно засчитывается выше молитвы.

Работа (то есть, конечно, не работа, а послушание) помимо удовлетворения каких-то насущных потребностей для жизни, призвана, в

общем-то, главным образом способствовать молитвенному настрою человека. Не давать лениться ни рукам, ни мозгам.

И еще заметил я, что во время неспешного, монотонного и нетяжелого делания дела — молитва совершается ох как легко и хорошо. Значит, не зря я здесь, значит, все в жизни идет своим чередом. Правильно идет.

Конечно, бывают периоды страды, горячие деньки, прямо скажем. Вот, к примеру, летом, в сенокос, да ранней осенью, когда пора убирать картошку и свеклу с монастырских полей (захиревший колхоз поделился — куда, мол, нам столько земли, когда работники по городам разбежались?). А еще — аврал, когда надо спешно солить огурцы и помидоры со здешних теплиц, да не банками трехлитровыми, а чанами неподъемными...

С одними грибами сколько мороки! Отец Митрофан, главный на трапезной, где-то вычитал и уверовал (видать, от великого ума), что грибы — не растения вовсе, а прямо-таки животные, и потому нам, монашествующим, потреблять их нельзя. Стало быть, ни к чему и собирать.

Посмотрел на него тяжелым взглядом отец-наместник обители, старец-архимандрит Вассиан, вздохнул, покрутил пальцем у виска... Что ж, мол, не ты первый, Митрофанушка, умишком тут

тронулся. Не ты и последний. Так что — вперед по грибы, дорогие братья! И то сказать: сам великий отшельник Нил грибами от голодной смерти здесь спасался, как и другие русские монахи-подвижники... А уж растения они или животные — одно слово: грибы. Исконная монашеская еда. Точка.

Черноризцы и трудники десантируются на лодках на соседний остров Хачин или еще похлеще — куда-нибудь в глухомань, на автобусе... Тащат грибы двухведерными корзинами, заготовливают, опять же, в чанах.

Все это довелось испытать и мне. Довелось и вкусить этих разносолов уже в лютую непогоду, в жарко натопленной трапезной.

«ИСКУШЕНИЯ БЕСОВСКИЕ»

13.00. Бьют склянки: невесть как оказавшийся здесь судовой колокол, висящий на крылечке старинного здания трапезной (она же — просфорня). Я сравнил с дореволюционным фото: ну да, та самая кирпичная изба. Переминаемся с ноги на ногу, но не входим — нельзя без благословения старшего трапезника, отца Митрофана. Ждем его «особого приглашения», хотя обычно зовет не он сам, а наш повар, брат Александр Мурманский.